

Глава 1

ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ ПОДПОЛКОВНИК

Война

Четвертого августа 1914 года германские войска перешли границу Бельгии у деревни Геммених (Gemmenich), тем самым положив конец бельгийскому нейтралитету, продолжавшемуся более восьмидесяти лет. Маленькая страна на Северном море была втянута в жестокую игру военно-политических блоков, которую на протяжении двух десятилетий готовили главные действующие лица мировых событий — Германия, Австро-Венгрия, Россия, Франция и Великобритания¹. С отвагой отчаяния бельгийская армия под командованием короля Альберта I попыталась остановить вторжение, но уже вскоре сделала выбор в пользу стратегического отступления и окопалась за рекой Изер, где в конце октября 1914 года активные боевые действия прекратились. Кратковременная война, о которой много говорили все сражающиеся стороны, зашла в тупик изматывающих траншейных боев, с которыми позже будет ассоциироваться Первая мировая. Гул боевых действий заглушит безмолвные страдания гражданского населения в условиях германской оккупации².

Собственно во время войны дела обстояли несколько иначе: бельгийская армия контролировала один из наиболее спокойных участков западного фронта, тогда как французские и британские войска, поспешившие на помощь Бельгии, лежали под огнем. Тем не менее, лишения бельгийского мирного населения служили козырем в непрерывном потоке пропаганды, которым державы Антанты пытались оправдать свою борьбу против держав Тройственного союза. Мировая пресса твердила о принесенной в жертву стране, население которой терроризируют тевтонские варвары и о героическом сопротивлении, олицетворяемом фигурами короля Альберта и кардинала Мерсье.

Эти события повлияли и на отношения между Бельгией и Российской империей. Симпатичное и деятельное королевство, на рубеже веков — один из крупнейших инвесторов в российскую промышленность, в 1914 году Бельгия стала военным

союзником России. В общественном мнении эта малоизвестная страна впервые обрела лицо, и немалую роль в этом сыграли старания писателей и поэтов³. Так, в августе 1914 года поэт-символист Александр Блок освежил свои смутные воспоминания о посещении Антверпена в 1911 году, представив их как своего рода провозвестие грядущего:

В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан⁴.

У футуриста Игоря Северянина ужасы войны тесно переплелись с тем, что он вынес из чтения Метерлинка и Верхарна. Драматург-экспрессионист Леонид Андреев увидел в своем воображении долину Изера залитой водой до самого Лёвена⁵, а «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера в 1915 году начала триумфальное шествие по России в качестве «бельгийской Библии»⁶. Несть числа хвалам от русских высокопоставленных особ, журналистов, деятелей искусства, а также простых граждан в адрес символов Бельгии, особенно короля-рыцаря Альберта и его супруги, королевы — сестры милосердия Елизаветы⁷.

Некоторые изменения произошли также в сфере дипломатии. У парламентской монархии в Бельгии и самодержавия в России было мало общего. Пока не разразилась война, Россия рассматривала Бельгию в лучшем случае как дипломатический придаток к Королевству Нидерландов. События лета 1914 года сделали из Бельгии полноценного партнера, вернее, почти полноценного: русский посланник князь Иван Кудашев (1859–1933) остался на своем посту и последовал за бельгийским правительством в Гавр, а человек, который с сентября 1914 года фактически стал играть главную роль в бельгийско-русских отношениях, русский военный атташе, имел всего лишь чин капитана...

Удивительная карьера

Капитан (штабс-ротмистр) Андрей Константинович Прежбяно (1885–1963) родился в Петербурге 2 декабря 1885 года⁸. Он воспитывался в Пажеском корпусе, а в 1909–1910 годах служил

в чине корнета в лейб-гвардии Кирасирском полку в Гатчине⁹. В августе 1914 года он состоял при военном атташе в Швейцарии, но уже в сентябре того же года — то есть через месяц после начала войны — получил назначение в штаб полковника Людвиг Майера, военного атташе в Бельгии и Нидерландах¹⁰. Война поставила Майера в затруднительное положение: сам только что назначенный, он должен был представлять свою страну одновременно в государстве, вовлеченном в войну (Бельгия), и в нейтральном государстве (Нидерланды)! На практике Майер принимал почести в Гааге, а его заместитель Прежбяно после падения Антверпена (10 октября 1914 года) последовал за бельгийской армией¹¹. Таким образом, двадцатидевятилетний капитан стал представителем России при штаб-квартире бельгийской армии в Вёрне (Veurne), а затем в Хутеме (Houtem). Его непосредственным начальником стал полковник Алексей Игнатьев (1877–1954), военный атташе в Париже. В 1916 году это положение было оформлено официально¹².

Запоздалое назначение, невысокий чин и молодость несколько не отразились на положении Прежбяно. В сентябре 1914 года сами бельгийцы, направив своего начальника штаба, генерал-лейтенанта Луи Де Рикеля (De Ryckel, 1857–1922), в качестве военного атташе в Россию, передали командование штабом в руки более молодых офицеров. В их обществе Прежбяно чувствовал себя как рыба в воде. Он посещает штабы различных бельгийских дивизий, лежит под огнем немцев в Вёрне, участвует в переезде Ставки верховного главнокомандования (СВГК) в Хутем (январь 1915 года), становится свидетелем первых газовых атак при Стеенстрате (Steenstrate) 22 апреля 1915 года и регулярно вводит высоких русских гостей к королю Альберту¹³. Что Прежбяно не всегда находится в полной боевой готовности, явствует из его рассказа о визите князя Феликса Юсупова (1856–1928), прибывшего раздать награды от имени царя:

30 января [1915 года] князь приехал в Булонь, посетил военного министра^а и расположился в Дюнкирхене, куда приехал из Гавра и кн. Кудашев.

^а Шарль де Броквиль (de Brocqueville, 1860–1940).

А. Прежбяно и наследный принц Леопольд, 1915 год

На следующий день все утром отправились на королевскую виллу, где после завтрака, состоялась передача орденов. Королеве Юсупов передал георгиевскую медаль 1-й степени и получил сам бельгийскую ленту. Затем отправились в штаб в Хутем, и только тут Юсупов вспомнил, что забыл передать наследному принцу Леопольду предназначенный ему георгиевский крест.

Состоявший при князе мой однокашник гр. Кутузов и я были немедленно командированы обратно в Ля Панн и, испросив аудиенцию, передали маленькому герцогу Брабантскому, страшно обрадовавший его серебряный крестик.
<...>

Из Бельгии он поехал в Сент-Омер, в главную квартиру маршала Френча^b. По желанию князя, я тоже поехал с его свитой в английскую ставку, куда также приехал из Лондона ген. Ермолов^c.

За парадным обедом в присутствии принца Уэльского^d, герцога Кентского^e, министра Черчилля^f, маршала Френча, всего штаба и нас четверых, Юсупов был страшно весел, рассказывая сидевшему с ним рядом принцу Уэльскому французские анекдоты. Наконец, после жаркого, он вынул осыпанный бриллиантами портсигар, и к ужасу чопорных англичан, закурил, сказав, что это русский обычай.

На следующий день была церемония передачи орденов. Пройдя мимо почетного караула, князь, сопровождаемый нами, вошел в залу, где его ждал маршал Френч со штабом. Во время довольно длинной речи маршала, Юсупову наскучило стоять, и он, заявив, что в России настоящие друзья говорят сидя, сел в кресло, и пригласил жестом наших хозяев последовать его примеру. После приема он прямо уехал в Париж, а я вернулся к себе в Ля Панн¹⁴.

Бельгийско-русское военное сотрудничество

Хотя раздача русских наград на фронте была делом обычным¹⁵, Прежбяно явно хотел быть чем-то большим, нежели церемониймейстер, и наполнить должность военного атташе содержанием. Второе все же не удавалось: после первоначальных успехов в Галиции царскую армию все чаще постигали неудачи. Именно в обязанности Прежбяно входила пересылка сообщений о несчастьях — если только он сам их получал — бельгийскому военному руководству. Так что малейшие военно-дипломатические успехи были более чем желательны.

---

^b Фельдмаршал Джон Френч (French, 1852–1925), командующий британскими экспедиционными войсками (1914–1915).

^c Генерал-лейтенант Н. С. Ермолов (1853–1924) был военным атташе в Лондоне.

^d Старший сын Георга V, будущий Эдуард VIII (1894–1972).

^e Прежбяно ошибается: этот титул пресекался в 1820 году и был воссоздан только в 1934 году.

^f Уинстон Черчилль (1874–1965) в то время был Первым лордом Адмиралтейства (военно-морским министром).

Весной 1915 года Прежбяно в одиночку вынашивал некий план. В Мурене⁸, мимо которого он ежедневно проезжал по пути из Ла-Панна, где квартировал, в Хутем, где находилась ставка, он присмотрел соединение бельгийских бронемашин. Оно уже долгие месяцы простаивало без дела в тылу, тогда как могло бы пригодиться на русском фронте. Прежбяно предложил эту идею королю Альберту, который сразу же отнесся к ней благосклонно и отдал необходимые распоряжения своему начальнику штаба генералу Максимильтену Вилемансу (Wielemans, 1863–1917). Во время следующей аудиенции, 2 июня 1915 года, король предложил направить в Россию также бельгийских техников, чтобы заодно помочь русским в решении проблем ослабленной военной промышленности. Атташе, изумленному столь быстрой реакцией бельгийцев, пришлось сломя голову мчаться с этим известием к своему начальству, которое еще ничего не знало. В тот момент, когда русское и бельгийское военное руководство пришло к согласию относительно этого плана — речь идет о начале августа 1915 года, — бельгийское правительство начало ставить палки в колеса. Премьер-министр де Броквиль, одновременно и военный министр, не увидел ничего хорошего в отправке бельгийских техников, и, кроме того, предложил этот дивизион броневиков России... продать. Под давлением короля и его секретаря Жюля Ингенблека (Ingenbleek, 1876–1953) де Броквилю пришлось уступить. Со скрежетом зубовым 10 августа он изложил бельгийское предложение на бумаге:

Его величество разрешил мне сказать вам, что весь наш дивизион автопушек и авто-пулеметов, со всеми принадлежностями, отдается безвозмездно в распоряжение России. Мы счастливы иметь возможность дать это доказательство большой симпатии к великой русской нации и ее храбрым нациям, которые, как и наши, сражаются за право и свободу¹⁶.

Для русской авантюры завербовали бельгийских фронтовиков¹⁷, и 20 сентября 1915 года британское грузовое судно с шестью

---

⁸ Мурен (Moeren) — болотистая низина за дюнами на границе Бельгии и Франции.

сотнями солдат и техников на борту вышло из французского порта Брест, взяв курс на Архангельск¹⁸. Эта авантюра «корпуса» бронев-автомобилей, который в конце концов окажется в революционной России и будет возвращаться домой через Сибирь и Америку¹⁹, составляет один из самых заметных эпизодов бельгийской военной истории. Она станет залогом бельгийско-русских военных связей в послевоенное время.

Успех операции сыграл на руку Прежбяно. Он не только был формально утвержден в должности, но и смог укрепить свой моральный авторитет. В частности, это проявилось после того, как 1 апреля 1916 года посланник Кудашев сложил с себя полномочия и был сменен Дмитрием Нелидовым (1863–1935). Нелидов прибыл от Святого престола и совершенно не разбирался в бельгийской ситуации²⁰. Кроме того, новый посланник, точно так же, как и его предшественник, находился в Гавре, при бельгийском правительстве, или в Париже, тогда как Прежбяно вращался в собственно властных сферах, вокруг короля и его генералов. Начальство также оценило инициативу капитана по

А. Прежбяно верхом, на пляже Ла-Панна, 1915 год

достоинству. В конце 1915 года, когда французское правительство вступило в переговоры относительно отправки русских войск в обмен на поставку французского вооружения, Игнатьев вызвал Прежбяно в Париж для участия в работе экспертной комиссии. Вопрос был чрезвычайно щекотлив: французы запросили не менее четырехсот тысяч солдат, которых хотели просто присоединить к французской армии, крайне нуждавшейся в пушечном мясе. Русские, напротив, стояли на том, что их войска должны составить отдельные бригады, непосредственно подчиненные французскому военному командованию. В составе русской делегации у Прежбяно было весьма специфическое задание:

Пока шли в Париже заседания комиссии, на которые мне приходилось приезжать еженедельно, мне было поручено крайне секретно позондировать почву в Бельгии о возможности подчинения русских войск не французскому командованию, а бельгийскому, так как наши сферы относились отрицательно к контакту республиканских войск с нашими. Подчинение же их королю было бы более приемлемо для императорской России.

Переговоры об этом я вел через военного министра Броквиля, указывая на выгоды для Бельгии от этой комбинации, так как малочисленность бельгийской армии не позволяла ей занимать фронт на всей оставшейся свободной территории королевства.

Вся южная часть фронта в Бельгии, от Диксмюде [Diksmuide] до французской границы, была занята англичанами, обладавшими полной властью во всей этой зоне. Увеличив свою армию за счет русских войск, король мог продолжить свой фронт к югу, освободив часть своей территории от союзной оккупации.

Проект этот не осуществился, так как король Альберт категорически отказался взять на себя ответственность командования иностранными войсками²¹.

Достигнутый французами и русскими компромисс — приблизительно 40 000 солдат, соединенных в роты, но без низших офицеров и оружия — не мог прийти Прежбяно по вкусу. Будущее покажет его правоту: в апреле 1917 года неопытных

солдат под командованием французских офицеров бросят в пресловутое наступление Нивеля («бойня Нивеля») на реке Эне (Aisne), после чего они восстанут. Войска, направленные в качестве подкрепления, станут тяжелой обузой для французской армии, особенно тогда, когда в России придут к власти большевики, которые в марте 1918 года выведут свою страну из Антанты²².

Волнения в России

После многомесячного выражения народного недовольства и настоящего восстания 15 марта 1917 года царь Николай II отрекся от престола. Российская империя, сражавшаяся на стороне Антанты, внезапно превратилась в уставшую от войны республику. Обещание нового русского правительства продолжать участие в войне успокоило короля Альберта: со своей стороны, он даже не потребовал от посланника Нелидова представить новые верительные грамоты²³. В принципе, сотрудничество с Прежбяно могло бы продолжаться на тех же условиях, хотя на практике Прежбяно теперь будет исполнять свои обязанности во Франции и более не станет находиться при ставке в Хутеме²⁴. Правительство в Гавре не так спокойно в отношении того, как повернулось дело. В мае 1917 года оно посылает в Петроград делегацию социалистов (Э. Вандервельде, Л. Де Брукер, А. Де Ман), чтобы просить Временное правительство продолжать военные усилия²⁵. В августе 1917 года оно меняет своего эмиссара в Петрограде, аристократа Конрада де Бюисере (de Buisseret, 1865–1927), на политика социалистического толка Жюля Дестре (Destrée, 1863–1936). Таким образом, Бельгия идет по стопам Франции и Британии, которые подобной «реальной политикой» — заменой аристократов на буржуазных социалистов в качестве послов в революционной России — попытались удержать в войне этого колосса на глиняных ногах²⁶. Тщетно, однако, потому что 7 ноября 1917 года власть взяли большевики. Они сразу ясно дали понять, что настроены на сепаратный мир с Центральными державами.

В эти трудные времена Прежбяно старался убедить бельгийскую сторону в своей лояльности. Уже 24 ноября 1917 года русский военный атташе клянется начальнику штаба бельгийской

армии генерал-лейтенанту Рюкуа (Ryukoу, 1861–1937) что он и его сотрудники не признают передачу власти в Петрограде и не будут поддерживать никаких контактов с большевиками²⁷. Двумя неделями позже, 6 декабря 1917 года, он пишет генерал-лейтенанту Де Рикелю, бельгийскому военному атташе при русском штабе, что план большевиков заключить мир с немцами равносителен предательству в бельгийском деле²⁸. Еще в тот же день он от имени русских офицеров в Бельгии предлагает военному министру свои услуги²⁹. Однако бельгийское правительство ставит его в трудное положение просьбой убедить бывших коллег по русской армии продолжать войну вопреки планам и директивам большевиков³⁰. Прежбяно готов работать над подобными комбинациями при условии, что бельгийское военное министерство возьмет на себя расходы по содержанию русской военной миссии. Одновременно он повторяет свое предложение перейти в бельгийскую армию³¹.

Брест-Литовский мирный договор, подписанный 3 марта 1918 года, положил конец участию России в войне и сразу сделал дальнейшие услуги Прежбяно излишними. Зачисление русских офицеров в бельгийскую армию и финансирование миссии военным министерством также потеряли актуальность или, как изящно выразился военный министр генерал Де Кенинк (De Ceuninck, 1858–1935):

Бельгийское правительство, к своему глубокому сожалению, решило более не принимать в армию русских. Это решение не должно вас ни удивлять, ни огорчать. Оно принято с целью оградить тех, кто из убеждения сплотился на нашей стороне, от безжалостных и несправедливых поношений, которые они несомненно услышат вследствие заблуждений и ошибок некоторой части своих соотечественников³².

Де Кенинк убеждает Прежбяно и его коллег поступить на службу в Иностраный легион. Дезавуированный атташе записывает:

Заключение Брест-Литовского мира внесло несомненно перелом в отношениях Бельгийцев, т. к. несмотря на все

разложение России они все же верили, что позорные условия немцев вызовут вспышку патриотизма, что поведет к перевороту, и хотя рассчитывать на дальнейшее ведение Россией войны было нельзя, все же можно было рассчитывать хотя бы на протест против обезличивающих родину людей. Общее подчинение всей России [немцам] произвело несомненный переворот не в пользу симпатий [бельгийцев] к России³³.

И все же не так страшен черт, как его малюют³⁴. Хотя в апреле 1918 года Прежбно пришлось оставить свой пост, он остался признанным в качестве военного атташе, потому что формально Бельгия не разрывала отношений с Россией. Впрочем, ему посоветовали прекратить вмешательство в политику Бельгии касательно России³⁵. Такое фактическое ограничение пространства для политических маневров распространялось также на посланника Нелидова. Формально он оставался на посту, но повседневное управление миссией с июля 1918 года перешло в руки генерального консула Евгения Буткевича (1874–1949)³⁶. Сам Нелидов столкнулся с такой — куда более существенной — проблемой, как дальнейшее существование русского посольства вообще.

Реорганизация русского посольства

Когда по окончании военных действий 11 ноября 1918 года русское посольство снова появилось в Брюсселе, перед ним во весь рост встал вопрос: как должна финансироваться деятельность посольства теперь, когда из Петрограда перестали приходить деньги? Поскольку посольство в Брюсселе едва ли располагало собственными средствами, Нелидов подал в Министерство иностранных дел Бельгии прошение о получении текущих кредитов³⁷. По поручению министерства было проведено расследование, может ли бельгийское государство вмешаться по примеру Франции и Великобритании³⁸. После обсуждения с Министерством финансов Министерство иностранных дел предложило Нелидову ссуду в размере 65 % расходов на деятельность посольства при условии, что Нелидов лично выступит гарантом возврата этой ссуды³⁹.